

**Дом игр: Цена
ИЛЛЮЗИИ**

АКСТИНИЯ А

Дом игр: Цена иллюзии

«Автор»

2026

А А.

Дом игр: Цена иллюзии / А. А — «Автор», 2026

Вы когда-нибудь хотели переиграть прошлое? Получить второй шанс, вернуть близких, стереть ошибку? Добро пожаловать в «Дом игр» – место, где за порогом обычного особняка начинается самая опасная азартная игра во Вселенной. Здесь нет фишек и рулетки. Ставки – ваши страхи, боль, ложь, сама душа. Гость проходит лабиринт из собственных иллюзий: болото вины, библиотеку ненаписанных книг, операционную совести, суд присяжных из фантомов прошлого. Но что произойдёт, если кто-то не захочет играть? Если вместо желания загадает просто жить? Роман о тех, кто отважился заглянуть за зеркало реальности – и обнаружил, что самая страшная иллюзия – это привычный мир, который мы принимаем за истину.

Содержание

Пролог: Азартен ли ты, друг мой?	5
Глава 1: Лиза. Игра в прятки с прошлым	7
Глава 2: Игорь. Библиотека ненаписанных книг	13
Глава	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Акстиния А

Дом игр: Цена иллюзии

Пролог: Азартен ли ты, друг мой?

Люди — удивительные, восхитительные лицемеры. Они смотрят в зеркало, поправляют идеально выглаженные воротнички и с непробиваемой серьезностью заявляют миру: «Я не азартный человек. Я практик. Я мыслю рационально». Какая звенящая, отполированная до блеска ложь.

Каждый из них — завсегдатай самого грязного казино во Вселенной. Только вместо пластиковых фишек они швыряют на зеленое сукно чужие нервы, собственное здоровье и годы жизни, слепо веря, что завтрашний день обязательно выдаст джекпот. Они ставят на «авось», на «может быть», на «как-нибудь пронесет». А когда рулетка безжалостно выплевывает ноль, оставляя их с пустыми карманами и выжженной душой, они начинают лихорадочно искать дверь с неоновой вывеской: *«Исполнение желаний. Вход свободный»*. За прозрачное «нечто даром» человек готов отдать всё. Даже то, чего у него никогда не было.

Я стоял у высокого окна, прижавшись лбом к холодному, безжалостному стеклу. Снаружи февраль вытворял свои привычные, злые фокусы: колючий снег хлестал по фасаду, превращая наш особняк в невзрачную, сутулую тень на окраине города. Серые, местами облезшие стены, тяжелые дубовые двери, покосившаяся крыша. Если бы не одна деталь, случайные прохожие и заблудившиеся курьеры принимали бы нас за заброшенный морг или склад конфискованной мебели. Но стоило сумеркам сгуститься, как аллея, ведущая к крыльцу, оживала.

Это был не просто свет. Это был мост. Сотни гирлянд, переплетаясь в морозном воздухе, вспыхивали мягким, обволакивающим золотом, разрезая зимнюю стужу. Тропинка, которая не вела к дому. Она вела в ту самую реальность, о которой ты так отчаянно мечтаешь, когда тебе больше нечем дышать. Мост из иллюзий, перекинутый через пропасть человеческого отчаяния.

Я медленно отвел взгляд от окна. Плечи отозвались глухой, ноющей тяжестью — не от возраста, нет. Это была гравитация чужих грехов, чужих слез и чужих надежд, которая давила на меня ровно двадцать лет. Ровно столько тянется этот бесконечный, замкнутый круг. Я поправил манжеты. Ткань рубашки была плотной, чуть шершавой, до боли настоящей. Мне необходима была эта тактильная опора, якорь, чтобы не раствориться в глянцевом, стерильном совершенстве, которым здесь пропитан каждый кубический сантиметр воздуха.

— Эл, — мой голос прозвучал хриловато, словно я только что глотнул горсть сухого песка. — Гость на подходе? Воздух рядом с камином дрогнул, собираясь в едва заметное, переливчатое марево. Голос Эла, сотканный из идеальных акустических частот и легкого, почти британского сарказма, отозвался не в комнате, а прямо у меня в виске, вибрацией в челюстной кости: — Пульс сто двадцать, уровень кортизола зашкаливает, концентрация надежды в крови — примерно восемь промилле. Стандартный набор для новичка, сэр. Система готова к погружению. Нано-коктейль подогрет до тридцати шести и шести, нейросеть калибрует эмпатию. — Не ерничай, Эл, — я усмехнулся, чувствуя, как уголки губ натягиваются по привычке, а не по велению души. — Отчаяние — это единственная валюта, которая не подвержена инфляции.

Я подошел к камину, где в тяжелой раме из черного дерева висела картина. Вернее, то, что от нее осталось. Размытый, написанный рваными мазками силуэт человека, которого я искал. Искал так долго, что черты его лица в моей памяти начали стираться, уступая место фантомной, ржавой боли за грудиной. Каждый раз, когда на аллее вспыхивали огни, я надеялся увидеть эту походку. Этот чуть склоненный набок профиль. Но сегодня... Силуэт, пробиваю-

щийся сквозь метель к золотому мосту, был чужим. Слишком легким, слишком суетливым, слишком напуганным.

Тень разочарования, холодная и вязкая, скользнула по ребрам. Я сжал кулаки, пряча их в глубокие карманы жилета. *Ничего*, — сказал я себе. — *У нас впереди целая вечность, а у них — всего одна ночь, чтобы столкнуться с собой настоящим.* Тяжелая входная дверь внизу глухо вздохнула, впуская в прихожую порыв ледяного ветра, запах мокрой шерсти и статического электричества. Дом проснулся. Стены едва уловимо завибрировали, настраиваясь на частоту нового страха. Я расправил плечи, позволяя усталости уйти на второй план, уступая место безупречной маске Хозяина.

Азартен ли ты, друг мой? Добро пожаловать в Дом Игр. Ставки сделаны.

Глава 1: Лиза. Игра в прятки с прошлым

Прибытие

Лиза стояла перед массивной дубовой дверью, и её пальцы дрожали так сильно, что она не могла даже толком сжать их в кулак. Дрожь начиналась где-то в запястьях, ползла вверх по предплечьям и оседала в груди тупым, ноющим комом.

Господи, что я здесь делаю?

Эта мысль крутилась в голове уже третий час подряд, с того самого момента, как она села в такси и назвала адрес. Таксист — лысоватый мужичок с татуировкой скорпиона на шее — покосился на неё в зеркало заднего вида, но промолчал. Может, подумал, что она сумасшедшая. А может, ему было плевать. В этом городе всем было плевать.

Она вытащила телефон. Экран вспыхнул, показывая время — 23:47. И фотографию.

Вика. Её девочка. Пять лет, три месяца и семнадцать дней с тех пор, как Лиза видела её в последний раз. На фото Вика смеялась, запрокинув голову, а солнечный зайчик играл в её русых кудрях. Это фото было сделано за неделю до суда. За неделю до того, как отец Лизы — этот надменный, безупречно одетый монстр в кашемировом пальто — встал в зале суда и холодно произнёс: «Моя дочь не способна воспитывать ребёнка. Она нестабильна. Эмоциональна. Опасна».

Опасна.

Лиза сжала телефон так сильно, что пластик заскрипел. Она не была опасной. Она была сломленной. Раздавленной. Выбитой из колеи. Но это, видимо, одно и то же в мире больших денег и больших амбиций.

Дверь открылась беззвучно, словно её ждали.

На пороге стоял мужчина. Не молодой, но и не старый — из тех, чей возраст невозможно определить с первого взгляда. Высокий, в тёмном жилете поверх белой рубашки. Лицо спокойное, почти непроницаемое, но в глазах... В глазах было что-то тяжёлое. Усталое. Как будто он нёс на плечах невидимый груз, который давил на него уже очень, очень долго.

— Добрый вечер, — его голос был тихим, но чётким. — Вы Лиза?

Она кивнула, не доверяя своему голосу. Горло сжалось, словно кто-то затянул на нём невидимую петлю.

— Проходите. Я — господин Ян. Хозяин этого... места.

Места. Не дома. Не особняка. Просто — места. Лиза переступила порог, и холод февральской ночи остался за спиной, уступив место странному, обволакивающему теплу. Воздух здесь пах чем-то неуловимым — не духами, не едой, а чем-то более глубоким. Древесиной. Старыми книгами. И чем-то ещё... чем-то электрическим, почти осязаемым.

Прихожая была обставлена скромно, но со вкусом. Тёмное дерево, мягкий ковёр, приглушённый свет. Никакой вычурности. Никакого пафоса. Это её немного успокоило.

— Присаживайтесь, — господин Ян указал на кресло у камина, где потрескивали дрова. — Вам нужно кое-что объяснить. И кое-что выпить.

Он отошёл к столику и вернулся с чашкой. От неё шёл пар, а в воздухе разлился густой, насыщенный аромат кофе. Настоящего кофе. Не того растворимого порошка, который Лиза пила последние два года, экономя на всём.

— Это... специальная смесь, — сказал Ян, протягивая ей чашку. — Помогает расслабиться. И сосредоточиться. Вам понадобится и то, и другое.

Лиза взяла чашку. Фарфор был тёплым, почти горячим. Она сделала глоток.

Вкус был странным. Горьким, но с какими-то цветочными нотами. И ещё... чем-то металлическим. Но тепло разлилось по телу мгновенно, расслабляя мышцы, которые она даже не замечала, как напрягала.

— Зачем я здесь? — спросила она наконец, и голос её прозвучал хрипло, словно она не говорила уже несколько дней.

Господин Ян сел напротив, сложив руки на коленях.

— Потому что вы хотите вернуть свою дочь, — ответил он просто. Без сочувствия. Без осуждения. Просто констатация факта. — И потому что вы готовы заплатить любую цену.

Лиза почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

— Я... я не знаю, о какой цене вы говорите. Мне сказали, что здесь исполняют желания. Что это... ну, как в сказке.

— Сказки лгут, — Ян чуть наклонил голову. — Они обещают чудеса без жертв. Но чудес не бывает. Бывают только сделки.

Он замолчал, глядя на огонь. Пламя плясало, отбрасывая тени на его лицо, делая его то молодым, то древним.

— Вы войдёте в игру, Лиза. Игру, созданную специально для вас. Если вы пройдёте её — получите то, что хотите. Если нет...

— Что — нет? — она подалась вперёд, сердце забилось где-то в горле.

— Вы вернётесь к тому, от чего бежали, — он посмотрел ей в глаза, и в его взгляде было что-то почти... сочувственное. — Но вы ведь уже там, верно? В том месте, от которого бежите.

Лиза открыла рот, чтобы возразить, но слова застряли. Он был прав. Она уже была в аду. Уже два года. Каждый день. Каждую ночь.

— Я согласна, — выдохнула она. — Что мне нужно делать?

Господин Ян чуть улыбнулся. Уголком губ. Почти незаметно.

— Ничего особенного. Просто быть собой. Или, точнее, научиться быть собой. Настоящей. Не той, кем вас хотели видеть.

Он встал, подошёл к стене и нажал на неприметную панель. Часть стены бесшумно отъехала в сторону, открывая проход в тёмный коридор.

— Адам проводит вас. И помните, Лиза — в этой игре нет правильных ответов. Есть только ваши ответы.

Из темноты выступила фигура. Молодой человек. Очень молодой. И очень... идеальный. Слишком правильные черты лица. Слишком плавные движения. Слишком безупречная осанка. Он улыбнулся, но улыбка не коснулась глаз.

— Здравствуйте, Лиза, — его голос был мягким, почти бархатным. — Я провожу вас в игровую зону. Следуйте за мной.

Лиза встала, поставила чашку на стол. Кофе почти доеден, но странный привкус остался на языке. Она пошла за Адамом, и с каждым шагом коридор становился всё темнее, а воздух — всё тяжелее.

Что я делаю? — мелькнула мысль. Но было уже поздно.

Дверь за её спиной закрылась с тихим щелчком.

Игра началась.

Лабиринт

Коридор закончился внезапно. Лиза моргнула, и мир вокруг изменился.

Она стояла на опушке леса. Настоящего леса. Высокие сосны уходили в небо, их кроны сплетались в плотный купол, пропускающий лишь редкие лучи света. Под ногами был мягкий мох, влажный и прохладный. Воздух пах хвоей, прелой листвой и чем-то ещё... чем-то болотным. Сырым. Гниющим.

— Это... это реально? — прошептала она, оглядываясь.

Адама нигде не было. Коридора тоже. Только лес. И тишина. Неестественная, давящая тишина. Ни птиц. Ни ветра. Ни шороха зверей.

Лиза сделала шаг вперёд. Мох мягко пружинил под ногами. Она пошла дальше, осторожно, словно боялась разбудить что-то страшное.

Через несколько минут деревья стали реже, и она вышла на поляну. В центре поляны стоял огромный дуб, а под ним...

Лиза замерла.

Под дубом сидел кот. Огромный, полосатый, с длинным пушистым хвостом. Но не это привлекло её внимание. Кот улыбался. Широко, до ушей. И эта улыбка была... знакомой.

— Опоздала, — сказал кот. Голос у него был странный — тягучий, с лёгким акцентом. — Хотя, конечно, время здесь понятие относительное. Как и всё остальное.

Лиза открыла рот, но слова не шли. Она моргнула. Кот никуда не делся.

— Ты... ты говоришь?

— Очевидно, — кот зевнул, обнажив ряд острых зубов. — Хотя, технически, говорю не я, а твой мозг, который пытается обработать информацию через привычные образы. Но давай не будем углубляться в нейробиологию. Это скучно.

Он встал, потянулся, и Лиза заметила, что его тело словно мерцает — то плотное, то полупрозрачное.

— Кто ты? — спросила она наконец.

— Зови меня Эл, — кот уселся, обвив хвостом лапы. — Я — твой проводник. Помощник. Собеседник. И, возможно, единственный, кто не будет тебя осуждать. Хотя, не обещаю.

Он наклонил голову, и его глаза — большие, зелёные, с вертикальными зрачками — посмотрели на неё с любопытством.

— Итак, Лиза. Ты пришла за дочерью. Трогательно. Очень. Но вот вопрос — ты уверена, что знаешь, где она?

— Что? — Лиза почувствовала, как внутри нарастает паника. — Конечно, знаю! Её забрал мой отец, он...

— Ах, отец, — Эл махнул лапой, словно отгоняя муху. — Скучная история. Знаешь, сколько людей приходит сюда с историями про злых родителей? Тысячи. Миллионы. Все они винят кого-то. Отца. Мать. Мужа. Систему. Но редко — себя.

Лиза почувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Я не виню себя! Я... я просто хочу вернуть Вику!

— Конечно, конечно, — кот зевнул снова. — Но вот незадача — в этой игре нет Вики. По крайней мере, пока. Здесь есть только ты. И лес. И болото вон там, — он кивнул куда-то за её спину. — И путь, который тебе нужно пройти.

Лиза обернулась. За деревьями действительно виднелось что-то тёмное, вязкое. Болото. Оттуда тянуло сыростью и чем-то... тревожным.

— Что мне нужно делать? — спросила она, пытаясь взять себя в руки.

— Найти выход, — Эл усмехнулся (или это Лизе показалось?). — Пройти через лес. Пересечь болото. И добраться до центра лабиринта. Там, возможно, будет то, что ты ищешь.

— И всё? Просто... идти?

— О, нет, милая, — кот покачал головой. — Не просто идти. Думать. Действовать. Быть. Видишь ли, этот лес — он не просто лес. Это отражение. Твоё отражение. И чем дальше ты идёшь, тем больше он показывает тебе то, что ты прячешь. От себя. От других.

Лиза почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Что я прячу?

Эл посмотрел на неё долгим, почти печальным взглядом.

— А вот это тебе и предстоит узнать. Но помни — в этом лесу нельзя быть жертвой. Жертвы здесь не выживают. Здесь выживают только те, кто умеет кусаться.

Он встал, потянулся, и его тело начало растворяться, становиться прозрачным.

— Удачи, Алиса, — сказал он, прежде чем исчезнуть совсем. — И помни — кролик всегда опаздывает. А ты не хочешь опоздать на собственную жизнь, верно?

И он исчез. Осталась только улыбка, висящая в воздухе ещё несколько секунд, прежде чем растаять.

Лиза стояла одна посреди поляны. Ветер шевельнул ветви деревьев, и откуда-то издалека донёся звук. Тихий, едва уловимый.

Детский смех.

Вика?

Сердце забило так сильно, что Лиза почувствовала его удары где-то в висках. Она побежала на звук, не думая, не размышляя. Ветки хлестали по лицу, мох скользил под ногами, но она не останавливалась.

Вика! Мама идёт!

Но смех удалялся, манил за собой, всё глубже в лес, всё ближе к болоту.

И когда Лиза наконец остановилась, задыхаясь, она поняла, что заблудилась. Деревья вокруг были одинаковыми. Тропинка исчезла. А впереди, всего в нескольких метрах, начиналось болото.

Чёрное, вязкое, зловещее.

И где-то там, в глубине, снова раздался смех.

Болото

Смех оборвался так же внезапно, как и начался. Будто кто-то щёлкнул выключателем.

Лиза замерла, тяжело дыша. Лёгкие горели, словно она наглоталась не лесного воздуха, а битого стекла. Ветки сосен оставили на её щеках тонкие, саднящие царапины, а колготки под джинсами порвались и теперь липли к коже влажной, неприятной паутиной.

Перед ней расстилалось болото.

Это было не просто топкое место. Это была рана на теле леса. Чёрная, глянцевая жижа, пузырящаяся редкими, ленивыми пузырями, которые лопались с тихим, почти непристойным чавканьем. От поверхности тянуло не просто сыростью — тянуло древним, спёртым холодом, запахом гниющих водорослей, ржавого железа и чего-то сладковато-приторного. Запахом забытого склепа.

Лиза сделала шаг назад. Инстинкт. Животный, первобытный страх, который кричал ей: *не суйся, утонешь, тебя засосёт, ты не справишься.*

Ты не справишься.

Голос отца. Холодный, бархатный, пропитанный дорогим коньяком и абсолютной уверенностью в собственной правоте. Он звучал в её голове так же ясно, как в тот день в зале суда.

«Моя дочь не способна принимать решения, ваша честь. Она тонет в собственных эмоциях. Ей нужен берег. Ей нужен контроль. Ей нужен я».

Лиза зажмурилась. Желудок сжался в мокрый, ледяной кулак. Тошнота подкатила к горлу. Два года. Два года она жила по его расписанию. Встречалась с его адвокатами. Пила его успокоительные. Ждала его милости. Ждала, что он одумается. Ждала, что кто-то придёт и спасёт её.

Спасения не было. Был только этот лес. И это болото.

— Знаешь, — раздался голос прямо над её ухом, отчего Лиза вздрогнула и едва не шагнула в чёрную жижу, — стоять на берегу и ждать, пока кто-то построит мост — это очень по-человечески. Но крайне неэффективно.

Она обернулась. Эл сидел на коряге, свисающей над болотом, и лениво болтал задней лапой в воздухе. Его полосатый хвост был обмотан вокруг шеи, словно меховой шарф.

— Ты издеваешься? — голос Лизы сорвался на визг. — Там же моя дочь! Я слышала её!

— Ты слышала эхо своего собственного отчаяния, милая, — кот зевнул, обнажив розовую пасть. — Болото не отражает звук. Оно поглощает его. Как и твои надежды на то, что папочка когда-нибудь одумается.

Лиза стиснула зубы так сильно, что заныли челюсти.

— Как мне пройти? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Не вышло. Он дрожал.

Эл наклонил голову, его зелёные глаза сузились.

— А как бы прошла Алиса? — спросил он. — Она бы села на пенёк и заплакала? Или она бы посмотрела на абсурд, приняла его и сделала шаг? Вы же Алиса, Лиза. Так вот и думайте как Алиса. Или вы предпочитаете роль кролика, который постоянно опаздывает на собственную жизнь?

Кролик, который опаздывает.

Лиза посмотрела на болото. Чёрная жижа. Гниль. Смерть.

А потом она посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы. Обкусанные ногти. Руки жертвы. Руки той, кто всегда ждал, пока ей скажут, что делать.

Нет.

Внутри что-то щёлкнуло. Тихо, но окончательно. Как ломается сухая ветка под тяжелым ботинком.

Она не будет ждать. Она не будет плакать. Она не будет слушать голос отца, который звучит в её черепной коробке как сломанная пластинка.

Лиза сняла кроссовки. Носки. Джинсы. Осталась в футболке и нижнем белье. Холодный воздух болота обжёг кожу, заставив её покрыться мурашками.

— О, браво, — протянул Эл с легкой иронией. — Стриптиз в честь безумия. Это уже прогресс.

Лиза проигнорировала его. Она подошла к самому краю. Чёрная жижа была всего в сантиметре от её пальцев ног. От неё несло холодом, который пробирал до костей.

Это просто игра, — сказала она себе. Это просто иллюзия. Наножидкость. Колба. Камин.

Она шагнула.

Первое ощущение — вязкость. Болото не было водой. Оно было густым, тяжёлым, словно расплавленный пластилин. Холод ударил в икры, потом в колени, обволакивая кожу липкой, мёртвой хваткой. Дно было илистым, скользким, но оно держало.

Лиза сделала ещё шаг. Жижа поднялась до бёдер. Давление на грудь стало почти невыносимым. Запах гнили усилился, забивая ноздри, заставляя глаза слезиться.

Не смотри вниз. Смотри вперед.

Где-то в глубине, среди чёрной воды, что-то мелькнуло. Бледное. Похожее на лицо.

Лиза замерла, сердце пропустило удар, а потом забилося где-то в горле.

Вика?

Нет. Это была не Вика. Это была она сама. Её собственное лицо, искажённое гримасой страха, смотрело на неё из-под толщи чёрной жижи. Лицо той Лизы, которая два года назад подписала бумаги об отказе от борьбы. Лицо той, которая сдалась.

— Не смей, — прошептала Лиза своему отражению. Голос был хриплым, чужим. — Не смей смотреть на меня так. Я больше не ты.

Она подняла руку и ударила по воде. Сильно. Наотмашь.

Отражение разлетелось на тысячи чёрных брызг. И в тот же момент жижа вокруг неё стала... теплее. Не горячее, но уже не ледяной. Вязкость уменьшилась. Болото словно отпустило её, признав её право идти.

Лиза шла. Шаг за шагом. Чёрная жижа стекала по её телу, оставляя на коже странные, переливающиеся разводы. Она не чувствовала холода. Не чувствовала страха. Она чувствовала

только ярость. Тихую, холодную, сосредоточенную ярость. Ярость на отца. На судью. На себя прежнюю.

Когда она наконец выбралась на противоположный берег, её ноги подкосились, и она рухнула на мягкий, влажный мох. Тело дрожало от напряжения, а не от холода.

Над ней склонился Эл. Теперь он выглядел иначе. Не кот. Скорее... существо. С человеческими глазами.

— Неплохо, — сказал он, и в его голосе впервые не было сарказма. — Ты перестала быть жертвой, Лиза. Болото пропускает только тех, кто умеет кусаться.

Лиза подняла голову. Перед ней, за редкими деревьями, виднелась поляна. А в центре поляны стоял дом. Не особняк. Не замок. Обычный, двухэтажный, с покосившейся крышей и светящимися окнами.

Дом её детства. Тот самый, из которого её выгнали двадцать лет назад.

— Там Вика? — спросила Лиза, поднимаясь на ноги. Её голос был твёрдым. Впервые за два года.

Эл улыбнулся. Широко, до ушей.

— Там то, что ты ищешь, — ответил он. — Но помни, Алиса — иногда самое страшное не то, что прячется в норе. А то, что ты найдёшь, когда туда доберёшься.

Он растворился в воздухе, оставив после себя только слабый запах кофе и озона.

Лиза вытерла лицо рукой, размазывая чёрную болотную жижу по щекам, как боевую раскраску. И пошла к дому.

Глава 2: Игорь. Библиотека ненаписанных книг

Синдром самозванца в твердом переплете

Переход был тошнотворным. Не было ни вспышки света, ни звука разрываемой ткани пространства. Просто в один момент Игорь чувствовал знакомое жжение дешевого виски в пищеводе и тяжесть чужого ноутбука на коленях, а в следующий — его ноздри забил густой, спертый запах.

Запах смерти. Но не биологической. Смерти мысли.

Это был аромат тысяч тонн гниющей бумаги, разошедшегося кожаного переплета, выветрившихся чернил и пыли, которая, казалось, состояла из пепла сожженных рукописей.

Игорь моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд. Голова гудела, как трансформаторная будка, а во рту стоял такой вкус, словно он всю ночь жевал медные монеты. Он сидел за массивным дубовым столом, который был настолько огромен, что за ним можно было бы спокойно разместить взвод пехоты. Вокруг, уходя в непроглядную вышину, высились стеллажи. Миллионы корешков книг. Они давили, сжимали пространство, превращая комнату в глубокий, бумажный колодец.

— Ну вот, — хрипло каркнул Игорь, и его голос эхом отскочил от невидимого потолка. — Белая горячка. Я допился до галлюцинаций в стиле Борхеса.

Перед ним лежал чистый лист плотной, шершавой бумаги. Рядом — тяжелая серебряная чернильница и перьевая ручка с золотым пером. Никаких экранов. Никаких клавиатур. Только он и эта пугающая, девственная белизна.

«Напиши ту самую книгу», — сказал ему господин Ян в гостиной, глядя своими тяжелыми, уставшими глазами. «Не ту, за которую тебе платят миллионы, чтобы ты прятался за чужими именами. А ту, где будешь только ты».

Игорь усмехнулся, криво и зло. Он был призраком. Литературным негром. Он писал мемуары для тупых футболистов, триллеры для политиков с воображением табуретки и любовные романы для жен олигархов. Он умел подделывать любой стиль, любой голос. Кроме своего собственного. Потому что своего голоса у него не было. Был только страх. Страх, что если он напишет от себя, мир поймет: король-то голый. Внутри — пустота, звенящая, как брошенная монета в канализационный люк.

Он взял ручку. Металл был холодным, тяжелым. Он макнул перо в чернильницу. Темно-синяя, почти черная жидкость блеснула в тусклом свете, падающем откуда-то сверху.

«Ладно, — подумал Игорь. — Начнем с атмосферы. Крючок. Читатель любит, когда ему сразу создают настроение».

Перо коснулось бумаги.

«Дождь хлестал в окно, словно разъяренный зверь, пытаясь ворваться в уютную гостиную...»

Чернильные муравьи

Игорь не успел дописать слово «гостиную».

Буква «Д» дрогнула. Затем «о». Они оторвались от бумаги, превратившись в крошечных, блестящих черных муравьев. Они засутились, побежали по листу, сталкиваясь друг с другом, и посыпались с края стола на пол, где тут же рассыпались в серую пыль.

Игорь замер. Вытаращил глаза. Посмотрел на ручку. Посмотрел на лист.

— Что за...

Он снова вывел фразу. *«Ночь была темна, как душа грешника...»*

Муравьи. Целый рой. Они кусались. Игорь почувствовал, как крошечные челюсти впиваются в кожу пальцев. Он выругался и выронил ручку. На подушечках указательного и сред-

него пальцев остались крошечные красные точки, которые начинали нестерпимо жечь. Словно туда капнули концентрированной кислотой.

— Осторожнее, молодой человек. Аллергия на банальность — штука неприятная, но, к сожалению, неизлечимая.

Голос раздался сверху, с ближайшего стеллажа.

Игорь резко вскинул голову. На корешке энциклопедии 18-го века сидела сова. Огромная, с перьями цвета остывшей овсянки и невероятно раздраженным выражением лица. На клюве у нее красовалось золотое пенсне на тонкой цепочке.

— Эл? — недоверчиво спросил Игорь, потирая горящие пальцы.

— В данном контексте — да, — сова поправила пенсне крылом. — Хотя, признаюсь, эта форма мне не нравится. Слишком много перхоти. И кстати, «ночь темна, как душа грешника»? Seriously, Игорь? У нас тут квантовые нанотехнологии, нейроинтерфейсы, прямое подключение к лимбической системе, а вы застряли в бульварном чтении девятнадцатого века? Мне за вас стыдно. И мне хочется выпить мышьиной настойки.

Игорь нервно хохотнул, звук получился рваным, истеричным.

— Это метафора, — огрызнулся он. — Литературный прием.

— Это клише, — парировала сова, и её желтые глаза сузились. — Это костыль для тех, кто боится хромать на собственных мыслях. Эта библиотека не терпит фальши, Игорь. Буквы здесь — это не просто пигмент на целлюлозе. Это ваша энергия. Ваша правда. Когда вы врете — себе, мне, этому листу — текст сбегает. А когда вы пытаетесь прикрыть пустоту красивыми словами... что ж, муравьи голодны.

Сова захлопала крыльями и перелетела на край стола, прямо перед ним.

— Вы хотите написать *свою* книгу? Так пишите. Кровью. Желчью. Стыдом. Чем угодно, лишь бы это было настоящим. Или вы так и будете до конца дней своих ремесленником? Призраком, который даже после смерти не оставит надписи на стене?

Слова ударили сильнее, чем укусы чернильных муравьев. Игорь сжал кулаки. Горящие точки на пальцах пульсировали в такт сердцебиению.

Призрак.

Он вспомнил, как в## вечером сидел в баре, слушая, как какой-то мажор с золотой картой хвастается, что «написал» философский трактат. Трактат, который Игорь выдал из себя за три бессонные ночи, глуша энергетик с антидепрессантами. Мажор получил славу. Игорь получил конверт с наличкой и очередную порцию самопрезрения.

Голая правда

Игорь снова взял ручку. Рука дрожала.

Он закрыл глаза. Он пытался придумать что-то умное. Что-то глубокое. «Одиночество — это...»Нет. «Человек есть...»Нет. Всё это было чужим. Цитаты, прочитанные в университетах, фразы из чужих книг.

А что чувствую я?

Он представил себя. Не «успешного автора бестселлеров», а того, кто стоит в три часа ночи перед зеркалом в грязной ванной. Того, кто боится поднять трубку, когда звонит мать, потому что ему нечего ей рассказать, кроме лжи. Того, кто пьет, чтобы заглушить звенящую тишину в собственной голове.

Он открыл глаза. Перо коснулось бумаги. Он не думал о стиле. Он не думал о читателе. Он просто позволил боли течь по руке, через металл, в чернила.

«Я боюсь, что меня никогда не существовало».

Игорь замер.

Буквы не сдвинулись. Они впились в бумагу, потемнели, стали объемными, словно выжженными на пергаменте. От них исходило слабое, теплое свечение. И пальцы больше не горели. Наоборот, по коже разлилась странная, успокаивающая прохлада.

— О, — протянула сова, и в её голосе проскользнула нотка одобрения. — Уже лучше. Меньше пафоса, больше экзистенциального ужаса. Продолжайте, Игорь. Раздевайтесь. Снимите этот нелепый смокинг из чужих цитат.

Игорь писал. Он писал о страхе. О том, как он прячется за чужими масками, потому что свое лицо кажется ему уродливым. О том, как он ненавидит запах собственных рук, когда они пахнут дешевым табаком и чужими секретами. О том, как он мечтает, чтобы кто-то однажды прочитал его строчку и понял: он не один в этой чертовой, холодной вселенной.

Чернила не убегали. Они ложились ровными, уверенными строками. Страница за страницей.

Воздух вокруг начал меняться. Тяжелый, спертый запах пыли рассеивался, уступая место аромату весны. Запаху мокрой земли после первого грома. Запаху озона и чего-то живого, настоящего.

Стеллажи с миллионами чужих, ненаписанных или украденных книг начали таять, растворяясь в мягком, золотистом свете.

Игорь не мог остановиться. Слезы — горячие, злые, очистительные — катились по его небритым щекам, капая на стол, но он не замечал их. Впервые за десять лет он не был призракком. Он был плотью. Он был автором.

Когда он поставил последнюю точку, ручка рассыпалась в его руке в мелкую, серебряную пыль.

Перед ним лежала стопка исписанных листов. Они были теплыми на ощупь.

Сова на столе исчезла. Вместо неё в воздухе повис легкий аромат кофе и озона, и раздался голос Эла, теперь уже звучащий повсюду и нигде, мягкий и почти человеческий:

— Поздравляю, Игорь. Вы только что написали свою первую строчку. Осталось еще примерно триста тысяч. Но не бойтесь. Муравьи больше не придут. Вы наконец-то стали настоящим.

Игорь положил ладонь на бумагу. Под его пальцами бился пульс. Его собственный.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.